

«В нашей стране, — сказала Алиса, все еще не успев отдышаться, — если бежать очень долго и очень быстро, вот как мы сейчас, обычно попадаешь в какое-нибудь другое место».

«Значит, у вас очень медленная страна, — сказала королева. — А здесь, ты сама видишь, твоего бега хватает только на то, чтобы остаться на том же месте. А если хочешь попасть в другое место, нужно бежать по крайней мере вдвое быстрее!»

«Если бы я была не настоящая, — сказала Алиса, готовая рассмеяться сквозь слезы, до того все это было нелепо, — я бы не могла плакать».

«Ты, надеюсь, не воображаешь, что это настоящие слезы?» — перебил ее Твиддум весьма презрительным тоном.

Льюис Кэрролл. Зазеркалье

ГЛАВА 1

Всем было ясно, что качки не миновать.

Отец Ротшильд, иезуит, с чисто восточным фатализмом поставил свой чемодан в углу бара и вышел на палубу. (Чемодан был небольшой, из поддельной крокодиловой кожи. Инициалы, выдавленные на нем готическим шрифтом, были не отца Ротшильда — он в то утро попросил на время чемодан у лакея французской гостиницы, где провел ночь. Содержимое его составляло кое-какое белье, шесть очень нужных новых книг на шести языках, накладная борода и школьный географический атлас с испещренным пометками указателем.) Выйдя на палубу, отец Ротшильд облокотился о поручни, подпер ладонями подбородок и стал смотреть, как по трапу поднимаются пассажиры, все, как один, со сдержанно-опасливым выражением на лицах.

Большинство этих лиц было иезуиту знакомо, так как он обладал счастливой способностью запоминать все, что можно было узнать,

обо всех, кто мог представлять хоть какой-то интерес. Язык его чуть высунулся наружу, и, не будь мысли пассажиров так заняты багажом и погодой, кто-нибудь из них мог бы заметить, как он похож на те гипсовые копии с химер собора Парижской Богоматери, которые можно увидеть в витринах художественных магазинов, где они, покрашенные в цвет «старой слоновой кости», пытливо глядят на вас из-за наборов кистей и трафаретов, разноцветного пластилина и тюбиков с акварельными красками. Высоко над его головой, на фоне темнеющего неба, проплыл выдавший виды «паккард» миссис Мелроз Оранг, неся на себе пыль трех континентов, а на палубу поднялась во главе своих ангелов сама миссис Мелроз Оранг, знаменитая проповедница.

— Вера!

— Здесь, миссис Оранг.

— Любовь!

— Здесь, миссис Оранг.

— Стойкость!

— Здесь, миссис Оранг.

— Непорочность... Где Непорочность?

— Непорочность плохо себя чувствует, миссис Оранг. Она ушла в каюту.

— От этой девчонки больше забот, чем толку. Чуть нужно заняться вещами, как она чувствует себя плохо. Остальные все здесь? Кротость,

Оглядка, Доброта, Праведная Обида, Справедливость, Святая Тревога?

— Святая Тревога потеряла крылья, миссис Оранг. Она в поезде заговорила с одним джентльменом... Ах, вот она.

— Нашла? — спросила миссис Оранг.

Святая Тревога так запыхалась, что могла только кивнуть головой. (Ангелы носили свои крылья в узких черных картонках, похожих на футляр для скрипки.)

— Хорошо, — сказала миссис Оранг. — И пожалуйста, не выпускай их из рук и поменьше разговаривай с джентльменами в поездах. Вы же ангелы, а не хористки, понятно?

Ангелы сокрушенно сбились в кучку. Ужасно, когда миссис Оранг бывает такая. Ох и зададут же они Непорочности и Святой Тревоге, когда останутся одни, в ночных рубашках! Мало того что всех будет тошнить от качки, так еще миссис Оранг шпыняет.

Заметив, как они расстроены, миссис Оранг смягчилась и заулыбалась. В «обаянии» ей нельзя было отказать.

— Ну, девочки, — сказала она, — мне нужно идти. Говорят, будет сильно качать, но вы не верьте. Если на душе спокойно, то и желудок не подведет. И помните, если все-таки станет мутить — пойте. Это самое лучшее средство.

— До свидания, миссис Оранг, спасибо. — Они сделали грациозный книксен, повернулись и дружно засемили на корму, во второй класс. Миссис Оранг проводила их благосклонным взглядом, а потом, расправив плечи (ни дать ни взять бывалый моряк, только бороды маловато), решительно зашагала в бар первого класса, расположенный на носу.

На борт всходили и другие выдающиеся личности, тоже очень недовольные погодой; чтобы уберечься от ужасов морской болезни, они прибегли к различным видам цивилизованного знахарства, но веры им не доставало.

Были здесь мисс Рансибл, и Майлз Злопрактикис, и весь Цвет Нашей Молодежи. Они весело провели утро, обклеивая друг другу животы полосками липкого пластыря (как мисс Рансибл при этом повизгивала!).

Был здесь и достопочтенный Уолтер Фрабник, член парламента и на прошлой неделе — премьер-министр. Перед утренним завтраком мистер Фрабник выпил две максимальные дозы некоего хлорного препарата (после чего завтрак не лез ему в горло), а потом в поезде, совсем упав духом, допил весь флакон. Он двигался как во сне, сопровождаемый по пятам двумя откровенными детективами. Они побывали с ним в Париже и знали о его тамошних делах

все, что стоило знать, — по крайней мере с точки зрения романиста. (Между собой они называли его Достопочтенный Бабник, но это было скорее остроумной игрой на его фамилии, чем порицанием его любовных интрижек, в которых он, если говорить начистоту, проявлял изрядную робость, а то и поддавался паническому страху.)

Леди Троббинг и миссис Блекуотер, сестры-близнецы, чей портрет кисти Милле был недавно продан на аукционе у Кристи за рекордно низкую цену, сидели на палубной скамейке тикового дерева, ели яблоки и пили то, что леди Троббинг со старомодной игривостью называла «шипучкой», а миссис Блекуотер именовала более эксцентрично — «шампань», произнося это слово в нос, на французский лад.

— Посмотри, Китти, ведь это мистер Фрабник, тот, что на прошлой неделе был премьер-министром.

— Не может быть, Фанни, где?

— А вон, чуть впереди тех двух мужчин в котелках, рядом со священником.

— Да, похоже на его фотографии. Какой у него странный вид!

— В точности так выглядел покойный Троббинг... весь тот последний год.

— ...А мы ведь не подозревали, пока кто-то не нашел флаконы под половицей в его гардеробной... а то мы все думали, что он просто пьет...

— По-моему, в наши дни премьер-министры были маркой выше, ты не находишь?

— Говорят, на мистера Фрабника имеет влияние только одна особа...

— Из японского посольства...

— Разумеется, милочка, только не говори так громко... Но серьезно, Фанни, как ты думаешь, мистер Фрабник действительно такой?

— Фигура у него для его возраста вполне хорошая.

— Да, но его возраст и этот явно полнокровный тип так часто бывают обманчивы. Еще бокал? Не пожалеешь, когда мы отчалим.

— А я думала, мы уже плывем.

— Чудачка ты, Фанни, такие уморительные вещи говоришь.

И пьяненькие старушки, давясь от беззвучного смеха, под ручку отправились вниз, в свою каюту.

Из остальных пассажиров одни заткнули уши ватой, другие надели темные очки, а кое-кто ел сухари из бумажных пакетов — говорят же, что индейцы едят змеиное мясо, чтобы пере-

хитрить врага. Миссис Хуп лихорадочно твердила формулу, которой обучил ее в Нью-Йорке один йог. Немногочисленные «морские волки», чей багаж пестрел ярлыками многих плаваний, расхаживали по палубе, вызывая попрыхивая короткими вонючими трубками и подбирая партнеров для партии в бридж.

За две минуты до того, как пароход должен был отойти, когда уже раздавались вокруг первые предупредительные свистки и возгласы, по трапу поднялся молодой человек с чемоданом. Ничего примечательного в его внешности не было. Он выглядел в точности так, как выглядят подобные ему молодые люди; свой чемодан, до противности тяжелый, он нес сам, потому что у него не осталось ни одного франка да и почти никакой другой валюты. Он прожил два месяца в Париже, где писал книгу, а теперь возвращался домой, потому что сделал по почте предложение и получил согласие. Звали его Адам Фенвик-Саймз.

Отец Ротшильд приветливо ему улыбнулся.

— Едва ли вы меня помните, — сказал он. — Мы познакомились пять лет назад в Оксфорде, на завтраке у декана Баллиол-колледжа. Мне будет интересно прочесть вашу книгу, когда она выйдет, — сколько я понимаю, это автобиография? И разрешите мне одним из первых поздравить вас с вашей помолвкой. Боюсь, вы

убедитесь, что ваш тесть несколько чудаковат... и забывчив. Этой зимой он перенес сильный бронхит. Дом — сплошные сквозняки, непомерно велик по нашим временам. Ну что ж, пойду к себе. На море волнение, а я плохо переношу качку. Встретимся двенадцатого у леди Метроленд, а если посчастливится, то и раньше.

Адам не успел ничего ответить — иезуит уже исчез. Вдруг голова его опять возникла рядом.

— Здесь находится одна весьма опасная и неприятная женщина, некая миссис Оранг.

Он опять скрылся из глаз, и почти тотчас же пароход заскользил прочь от пристани, к выходу из порта.

Началась качка, то бортовая, то носовая, а то пароход, весь дрожа, замирал на месте, над бездной черной воды, после чего низвергался, как вагонетка на американских горах, в безветренную глубину и снова взлетал прямо в пасть к урагану; то он прорывал себе путь, судорожно тыкаясь носом, как терьер в кроличьей норе, то падал камнем, как лифт. Этот последний его трюк доставлял пассажирам больше всего мучений.

— Ой, — стонал Цвет Нашей Молодежи. — Ой! Ой! Ой!

— Точно из тебя сбивают коктейль, — сказал Майлз Злопрактис. — Ну и лицо у вас, деточка, — оттенка нильской воды.

— Это же заболеть можно, — сказала мисс Рансибл и, что редко с ней случалось, попала в точку.

Китти Блекуотер и леди Троббинг лежали одна над другой на своих койках, содрогаясь от парика до пят.

— Как ты думаешь, неужели это шампань...

— Китти.

— Да, милочка?

— Китти, мне кажется... нет, я уверена, у меня есть где-то нюхательные соли... Китти, я подумала, тебе там ближе... А мне отсюда слезать просто небезопасно... как бы не сломать ногу...

— А ты не боишься, что после шампань...

— Но они мне нужны. Конечно, милочка, если это тебе затруднительно...

— Мне ничего не затруднительно, ты же знаешь. Но помнится, нет, я даже совершенно ясно помню, что нюхательные соли ты не укладывала.

— Ну, Китти, ну пожалуйста... тебе же будет жалко, если я умру... Ой!

— Но я видела нюхательные соли на твоём туалетном столике уже после того, как твои вещи снесли вниз. Помню, я еще подумала, надо захватить их, а потом замешкалась с чаевыми, так что, понимаешь...

— Я... их... сама уложила... Вместе со щетками... Китти, противная!

— Как не стыдно, Фанни!

— Ой! Ой! Ой!

Для отца Ротшильда все плаванья были равны. Он размышлял о муках святых угодников, об изменчивости человеческой природы, о Четырех Последних Вещах¹ и время от времени повторял про себя отрывки из покаянных псалмов.

Лидер оппозиции его величества лежал, погруженный в сладостный транс, созерцая роскошные восточные видения: домики из раскрашенной бумаги; золотые драконы и цветущий миндаль; золотые фигурки и миндалевидные глаза, смиренные и ласкающие; крохотные золотые ножки среди цветов миндаля; раскрашенные чашечки, полные золотого чая; золотой голос, поющий за ширмой из раскрашенной бумаги; смиренные, ласкающие золотые ручки и глаза формой как миндаль, а цветом как ночь.

¹ Речь идет о вопросе и ответе из католического школьного катехизиса: «Каковы суть Четыре Последние Вещи, о коих всегда надлежит помнить? Четыре Последние Вещи, о коих всегда надлежит помнить, суть: смерть, страшный суд, ад и рай». — *Здесь и далее примеч. перев.*

Два совсем обмякших детектива, дежуривших у его каюты, покинули свой пост.

— Если он и при такой качке сумеет набедокурить, молодец будет, — решили они. — Грех было бы ему мешать.

Пароход скрипел всей обшивкой, хлопали двери, падали чемоданы, выл ветер; винт, то взлетая над водой, то зарываясь в волны, бешено крутился, и шляпные картонки сыпались с полок, как спелые яблоки. Но сквозь весь этот рев и грохот из дамского салона второго класса звучали отчаянные голоса ангелов миссис Оранг — они пели, пели в унисон, исступленно, надрывно, словно сердца их готовы были разлететься вдребезги, а рассудок помрачиться, — пели знаменитый гимн сочинения миссис Оранг «Агнец Божий — барашек что надо».

Капитан и первый помощник сидели в рубке и увлеченно решали кроссворд.

— Похоже, ветер свежеет, того гляди погода испортится, — сказал капитан. — Вечером может и покачать.

— Не всегда же бывает так тихо, как сейчас, — сказал первый помощник. — Хищное млекопитающее. Слово из восемнадцати букв. Просто непонятно, как они такое выдумывают.

Адам Фенвик-Саймз сидел с морскими волками в курительной, пил третий стакан виски и гадал, когда ему окончательно станет плохо.

Уже сейчас он ощущал какую-то тяжесть в затылке. Плыть еще тридцать пять минут, а скорее всего, и больше, раз ветер встречный.

Наискосок от него сидел болтливый, объездивший весь свет журналист и рассказывал ему неприличные анекдоты. Время от времени Адам вставлял более или менее подходящие к случаю замечания вроде «Да, здорово», или «Это надо запомнить», или «Ха-ха-ха», но по-настоящему что-либо воспринимать он был не способен.

Корабль взлетел — выше, выше, выше, а потом как-то наискось ухнул вниз. Адам успел схватить свой стакан и спасти содержимое. Потом закрыл глаза.

— А вот этот годится и для дамских ушей, — сказал журналист.

За спиной у них четыре коммивояжера играли в карты. Сначала игра шла весело — когда карты, стаканы и пепельница летели на пол, они только приговаривали: «Вот это так трянуло!» и «Держись, гвардейцы!» — но за последние десять минут заметно притихли. Тишина была неудобная.

— ...И сорок за тузы и двести пятьдесят. Роббер. Ну что, опять тянуть или останемся так?

— А может, сделаем небольшой перерыв?
Стол все время куда-то едет, я даже устал.

— Э, Артур, тебя уж не тошнит ли?

— Ничего не тошнит, просто устал.

— Конечно, если Артура тошнит...

— Кто бы подумал, что нашего Артура будет тошнить?

— Да не тошнит меня вовсе. Устал немножко, и все. Но если вы хотите продолжать — пожалуйста, я вам игру портить не собираюсь.

— Молодчина, Артур. И нисколько его не тошнит. Эй, Билл, не зевай, карты сейчас упадут. Опять нас подымает.

— Может, повторим, друзья? Того же?

— Того же.

— Твое здоровье, Артур. Ваше здоровье. Что бы не в последний.

— Кто сдает? Ведь последним сдавали вы, мистер Гендерсон?

— Да, теперь сдавать Артуру.

— Тебе сдавать, Артур. Гляди веселей, приятель.

— Перестань! Разве можно так хлопнуть человека по спине!

— Не спутай карты, Артур!

— Попробуй не спутать, когда тебя так хлопнули по спине. Устал я.

— Ну вот, у меня оказалось пятнадцать карт.

— А этот вы слышали? — сказал журналист. — Как один человек из Абердина очень любил бриллианты, до того любил, что, когда надумал жениться, выбрал жену с солитером. Здорово, а? Понимаете, у нее был солитер, а он, понимаете, любил бриллианты. А жил в Абердине. Ловко, ничего не скажешь.

— Знаете, я, пожалуй, выйду ненадолго на палубу. Здесь что-то душновато.

— И не думайте. Там все время заливает. Или, может быть, вас мутит?

— Ни капельки не мутит. Я просто подумал, что на свежем воздухе... О черт, да когда же это кончится?

— Держитесь, дружище. Я бы на вашем месте не стал прогуливаться. Лучше сидеть, как сидели. Глоток виски, вот что вам требуется.

— Меня не мутит. Просто здесь душно.

— Правильно, дружище. Уж вы мне доверьтесь.

Игра в бридж явно не клеилась.

— Эй, мистер Гендерсон, это еще что за пика?

— Туз, а то что же?

— Вижу, что туз. Я про то говорю, что нельзя вам было брать взятку козырем, когда у вас на руках была пика.

— Почему это нельзя было козырем? Ведь пошли-то с козыря.

— Ничего подобного. Артур пошел с пики.
— Нет, с козыря. Так ведь, Артур?
— Артур пошел с пики.
— Не мог он пойти с пики, а то зачем бы ему класть червонку на моего короля пик, когда я думал, что у него дама. Нет у него пик.

— Почему это у меня нет пик? У меня дама.
— Артур, старина, тебя, видно, и вправду тошнит.

— Ничего не тошнит, просто устал. Ты бы тоже устал, если б тебя так хлопнули по спине... В общем, хватит с меня этой забавы. Вот видите, опять карты разлетелись.

На этот раз никто не дал себе труда их собрать. Вскоре мистер Гендерсон сказал:

— Странно, с чего это у меня вдруг перед глазами все поплыло? Наверно, что-нибудь съел не то. С этими заграничными блюдами всегда такая история — намешают бог весть чего.

— А знаете, у меня тоже, оказывается, самочувствие не ахти. Вентиляция на этих пароходах ни к черту.

— Да-да. Вентиляция. Это вы верно заметили. В этом все дело.

— Странная вещь. Меня, имейте в виду, никогда не укачивает, но иногда морские переезды плохо на меня действуют.

— Вот и со мной так же.